

Л. А. ВИТУШКИНА

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В МАНСКОЙ ТОПОНИМИКЕ

Известно, что в топонимике тюркских народов весьма обычны конструкции с глагольным компонентом, представленным причастием со значением давнопрошедшего или будущего времени (ср.: *Тайжеген* «жеребенка съели», *Кудыкказган* «колодец копали», *Нурилатуган* «Нурила родилась», *Суагар* «вода потечет», *Козашар* «козленка будет есть») или личной формой глагола (ср.: *Аманкельды* «счастье пришло», *Айжурды* «месяц (луна) ходил (а)», *Жекетурды* «одиноко жил», *Кешкельды* «поздно пришел», *Кожатурды* «хозяин остановился», *Окжетпес* «стрела не долетит», *Коянышкпас* «заяц не выберется»¹. Объясняется это тем, что «глаголы в системе всех частей речи являются, пожалуй, самыми активными в образовании словосочетаний»². «Другой причиной, может быть, является то, что глагольные формы и конструкции вообще в тюркских языках распространены в ономастике»³: *Олмес* (узб.) «не умрет», *Турсун* (туркм.) «пусть он останется», *Токтасын* (каз.) «пусть останется»⁴, *Гарягды* (туркм.) «снег шел», *Гундогды* (туркм.) «солнце взошло», *Дойдук* (туркм.) «мы насытились»⁵ и другие.

Однако наличие в тюркских языках такого специфического способа образования географических названий еще не дает оснований говорить об отсутствии подобных структур в финно-угорской и индоевропейской топонимике⁶. Прав Г. И. Донидзе, указывая: «Глагольные географические названия встречаются, как известно, не только в тюркских, но и в других языках земного шара. Особенность тюркской топонимики в этом отношении состоит, быть может, в том, что

¹ А. С. Битанова. Глагольные конструкции в казахской топонимике Кустанайской области. — Питання ономастики. Київ, 1965, стр. 234—235.

² М. Б. Балакаев. Основные типы словосочетаний в казахском языке. Алма-Ата, 1957, стр. 53.

³ О. А. Султаньяев. Из наблюдений над глагольными названиями Кокчетавской области. — Филологический сборник, вып. VI—VII. Алма-Ата, 1967, стр. 430.

⁴ Т. Жанузак. Из истории развития ономастики казахского языка. — Питання ономастики. Київ, 1965, стр. 296.

⁵ З. Б. Мухамедова. Личная ономастика у туркмен. — Там же, стр. 152, 155, 156.

⁶ А. С. Битанова. Глагольные конструкции в казахской топонимике Кустанайской области, стр. 234.

пласт глагольных названий, представленных в ней, более обширен и разнообразен»⁷.

Глагольные словосочетания в целом не типичны для топонимики финно-угорских и индоевропейских языков. Тем не менее можно указать на существование в славянской топонимике (в частности в русской) особого, известного еще в древности структурного типа, характеризующегося наличием застывших форм повелительного наклонения, об императивности которых можно говорить только в генетическом плане: *Проснись-бедняк*, д., *Пролейкаша*, луг, *Гуляйполе*, поле, *Киньгоре*, н. п., *Киньгрусть*, н. п., *Болисердцо*, нав., *Колтащи*, нав., *Валивон*, нав., *Выривхост*, р., *Урвухвост*, р., *Мочихвост*, р., *Ломихвост*, гора, *Вздёрнинога*, д., *Вздерниножки*, ур., *Сдериножка*, р., *Разломинога*, р., *Пронесигосподи*, скала, *Звенигород*, г., *Стучи-машина*, пос., *Берегись*, мыс и мн. другие. Ср. также казахские топонимы с императивными формами: *Туражур* «иди прямо», *Керикет* «иди назад», *Алгабас* «стремись вперед», *Козыбаг* «Паси ягнят»⁸, *Токтаул* «стой, аул!»⁹.

В мансийской топонимике закрепился иной, по сравнению с русской географической номенклатурой, структурный тип: глагольная часть в большинстве случаев выражена причастиями настоящего времени¹⁰: *Виська-люльнэ-сяхл* «гора, где стоит вышка», *Муни-люльнэ-нёл* «гора, на которой стоит останец», *Няль-унлын-нёл* «гора, где slopeц стоит».

Гласный элемент, входящий в состав суффикса причастий настоящего времени *-н* (*-ан*, *-ын*, *-нэ*), в устном употреблении довольно часто варьируется, о чем свидетельствуют параллельные формы: *Пакв-варнэ-ур* — *Пакв-варын-ур* «гора, где добывают шишки», *Пут-урнэ-я* — *Пут-урын-я* «река, где караулят котёл», *Хап-хартнэ-тумп* — *Хап-хартын-тумп* «гора, где перетаскивают лодки». Довольно часто глагольный компонент представлен и причастиями прошедшего времени с характерным суффиксом *-м* (*-ум*, *-юм*, *-ам*): *Нянька-хайтум-сяхл* «гора, где нянька бежала», *Халь-тустум-я* «река, где поставлена береза»; *Элм-пут-тайюм* «(гора), где клей в котелке сгорел».

Исходными для причастий могут быть как переходные, так и непереходные глаголы. Если причастие образовано от переходного глагола, то конструкция может быть усложнена за счет появления прямого дополнения: *Устин-ойка-сйя-айюм-ахвтас* «камень, на котором старик Устин пил чай», *Салинг-хум-кат-пелум-нёл* «мыс, на котором оленевод проколол руку». При переходности глагола словосочетание

⁷ Г. И. Донидзе. Глагольные топонимы в тюркских языках. — Топонимика Востока. М., 1964.

⁸ А. С. Битанова. Глагольные конструкции в казахской топонимике Кустанайской области, стр. 234.

⁹ О. А. Султаньяев. Из наблюдений над глагольными названиями Кочетавской области, стр. 427.

¹⁰ В отличие от тюркских топонимов, в которых довольно широко представлены как причастные, так и всевозможные личные глагольные формы, в мансийской географической номенклатуре личные формы глагола встречаются крайне редко, причём, в этой функции выступают только глаголы в третьем лице: ср. *Люньси-сяхл-совт* «сопка, где плачут».

в целом может приобретать безличное или неопределенно-личное значение: *Нерп-виннэ-сори* «перемычка, где берут краску», *Лэстан-виннэ-сяхл* «гора, где берут точильный камень», *Пакв-варнэ-ур* «гора, где добывают шишки», *Пут-урнэ-я* «река, где караулят котел».

Разнообразны и способы выражения именного компонента. Наибольшей продуктивностью обладают конструкции, в которых первая часть представлена нарицательными существительными в единственном числе: *Ась-люньсим-сос* «ручей плакавшего отца», *Ёвт-ханнэ-сос* «ручей, где висит лук»; *Сянен-хуйнэ-я* «река спящей матери». Единичны случаи фиксации топонимов с существительными в форме множественного числа: *Лувит-хайтум-сяхл* «гора убежавших лошадей».

Именной компонент может осложняться определением: *Русь-аги-поварам-керас* «скала, с которой упала русская девушка», *Туй-кол-люльнэ-сяхл* «гора, на которой стоит летний чум», *Хар-аньт-люльнэ-сори* «перемычка, на которой стоят бычьи рога».

В качестве именного компонента в составе сложного топонима могут выступать оронимы или гидронимы: *Люньси-Сяхл-миннэ-я* «река, идущая по горе Люньси-Сяхл», *Сампал-Сяхлн-миннэ-я* «идущая на Сампал-Чахл река», *Хапк-Ур-миннэ-я* «река, идущая по горе Хапк-Ур».

Причастия обычно находятся в конце словосочетания перед простым или сложным номенклатурным термином, являющимся составной частью имени собственного. Случаи отсутствия термина единичны: *Элм-пут-тайом* «гора, где клей в котелке сгорел».

Появление сложных оронимических и гидронимических конструкций рассматриваемого типа далеко не случайно. В лексике мансийского языка широко представлены сложные слова описательного характера, в состав которых входят причастные формы: ср. *вортол-нут* «медведь» (буквально «в лесу живущий некто»), *варимут* «изделие» (буквально «сделанная вещь»), *пувлынкол* «баня» (буквально «дом, где моются»), *коснэив* «грабли» (буквально «палка, которой гребут»), *хаснэив* «карандаш» («пишущее дерево»), *порыгпанэква* «лягушка» (прыгающая женщина) и др.¹¹

В плане семантики можно выделить несколько групп признаков, лежащих в основе номинации объекта:

1. Топонимы, отражающие различные стороны жизни и деятельности манси, а именно: а) промыслы — *Няль-унлын-нёл* «гора, где slopeц стоит», *Пакв-варнэ-ур* «гора, где орехи шишкарят», *Хар-сялт-нэ-нёл* «гора, где проходят быки (дикие)»; б) производственную деятельность — *Лэстан-виннэ-сяхл* «гора, где берут точильный камень», *Нерп-виннэ-я* «река, где берут краску»; в) кочевой образ жизни — *Туй-кол-люльнэ-сяхл* «гора, на которой стоит летний чум»; г) религиозные верования — *Пуп-унлын-я* «река, где стоит идол».

¹¹ А. М. Картина. Словосложение имён в мансийском языке. — «Просвещение на советском Крайнем Севере», вып. 8. Л., 1958, стр. 283, 285, 286.

2. Топонимы, указывающие на смежные географические объекты: *Песер-унмит-ваглын-нёл* «мыс, по которому дорога спускается на *Печору*», *Сампал-сяхлн-миннэ-я* «река, идущая на Сампал-Чахл», *Хапк-ур-миннэ-я* «река, идущая по горе Хапк-ур», *Яны-Ёмки-унмит-ваглын-нёл* «мыс, по которому дорога спускается на гору *Яны-Ёмки*».

3. Топонимы, получившие наименование по какому-то заметному, находящемуся на их поверхности предмету, отличающему данный объект от ему подобных: *Ахвтас-люльнэ-нёл* «гора, где стоит камень», *Виська-люльнэ-сяхл* «гора, где стоит вышка», *Кур-унлын-сори* «перемычка, где находится печка», *Муни-люльнэ-сори* «перемычка, на которой стоит останец», *Тарыг-люльнэ-янгкылма* «болото, где стоит сосна», *Халь-тустум-я* «река, где поставлена береза».

4. Топонимы, получившие наименование по какому-то случайному событию, связанному с данным географическим объектом: *Няп-пунк-лайм-кврас* «скала, с которой сбросили голову лосенка», *Нята-рохтум-сори-сяхл* «гора, где испугался маленький олененок».

Изучение глагольных конструкций в плане семантики позволяет выяснить не только принципы номинации топонимов, но и получить некоторое представление о жизни и быте мансийского народа.
